

Он был не молод и не красив. Короткий седоватый ершик, морщинки вокруг глаз, неровная линия губ. Но сквозило в его облике – в повороте головы, в походке, в осанке, даже в том, как он держал тонкими пальцами чашку кофе, – сквозило нечто невыразимо чарующее, нечто такое, чего, кажется, и нельзя описать словами. Что бы он ни надел – белую футболку ли, костюм ли, или обычную пляжную рубашку с шортами, – все сидело на нем ровно и гладко, словно бальный наряд. При взгляде на него в памяти всплывали старинные английские поместья, запущенный сад, пансион для мальчиков, музыкальный салон матери – канувшая в Лету эпоха, где дамы переодевались к обеду, а мужчины правили миром.

Он отдыхал в отеле с подругой. Она была из той редкой породы женщин, чей возраст сложно поддаётся определению. Был ли то дар природы или гениальная работа хирурга, но выглядела она одновременно и на тридцать пять, и на сорок, и на пятьдесят пять. В одежде её была та легкая небрежность, какая присуща очень богатым женщинам, но подушечки пальцев у неё были стертymi, а ногти короткими, что выдавало в ней пианистку или писательницу – а значит, человека, кормящегося трудом. По утрам, прогуливаясь по Английской набережной, я видела, как они сидят на балконе. Он читает ей книгу, а она слушает с улыбкой, подперев голову рукой, не сводя взгляда с зеркальной поверхности лазурного моря, в нескольких местах изрезанного белой пеной корабликов и яхт. На спинке стула, среди брызг сиреневой лаванды и ванильно-розовых пионов, поднимающихся

из напольных стеклянных ваз, висела её широкополая соломенная шляпа с длинной черной лентой; ветер вздувал её, и она трепетала, вытягиваясь вверх, тщетно пытаясь оторваться от тонкой иглы серебряной броши.

Я заметила, что он ни на минуту не оставлял её одну. Когда ранним утром она плавала в бассейне – сидел в баре и следил за ней одними глазами. А едва она подплывала к бортику, забирал с лежака брошенный халат и распахивал для неё, выходящей из воды. На завтраке они ходили вместе по огромному ресторану и брали одинаковую еду. В полдень, когда она играла с инструктором в теннис, он пил на пустой трибуне мартини со льдом. Мне нравилось смотреть, как он поднимал с земли мячики и кидал их обратно. Это был красивый взмах подтянутой, спортивной руки – четкий, как у скульптуры. Он был ощутимо старше её, и забота о ней чувствовалась в каждом повороте его головы, в импульсе тела. Взгляд его все время выражал озабоченность – не голодна ли она? не устала? не болит ли спина или голова? Я не знала их имен, не знала откуда они; несколько раз я услышала, как он по-французски обращался к ней «душа моя», а она в ответ звала его «ангел мой». Это было нежно и по-старомодному, без всякого зоопарка.

Однажды на пляже я увидела, как она плачет подле него. Обычно мужчины или теряются от женских слез, или сердятся, а он усадил её к себе на колени и гладил, как маленькую, по голове, что-то ласково нащёптывая на ухо. Затем она откинулась на лежак, а он стал массировать ей ноги.

Движения его пальцев говорили о том, что он знает каждый секрет её тела – они с нежностью скользили от бедер, припорошенных белой накидкой, к красным ноготкам и обратно. Окончив массаж, он поцеловал её острые худые колени; в этом поцелуе не было страсти или заискивания – скорее так родитель целует ножки ребенка. Затем она разделась, и они пошли к морю. Я видела, как две головы – седоватый ершик и широкополая соломенная шляпа с черной лентой – плыли в лазурной воде к дальним камням. Они вернулись через полчаса и купили у торговца-араба желтое манго. Когда они ели фрукты, сок тек у них по подбородкам и смешивался с соленой водой и песком на груди. Они смеялись и влюбленно глядели друг другу в глаза.

На четвертый день моего отпуска метрдотель на ужине посадил меня рядом с их столиком. Огромный белый зал, украшенный подлинниками Ренуара и Дали, ярко освещенный массивной люстрой баккара, был переполнен нарядными женщинами. Мужчин здесь не наблюдалось – прекрасные дочери Евы давно научились обходиться без них. Таперша на эстраде играла что-то итальянское, женщины фотографировались, целовались, трепались по телефону; тонкий запах *rôté de foie gras*, смешанный с пряностями и морепродуктами, поднимался к стеклянному куполу вместе с пустым смехом и перезвоном бокалов, и пара за соседним от меня столиком казалась в этом Вавилоне старинной фотографией: они ни разу не встали потанцевать; ни с кем не перебросились даже парой фраз; не открыли телефоны – весь ужин они смотрели друг на друга и тихо разговаривали.

Ближе к концу трапезы я услышала, как она попросила его сходить в бар за новой пачкой сигарет, а он отказался. Полушёпотом, родительским тоном, мешая итальянский и французский, он отсчитывал её, что она слишком много курит. Она не спорила, а слушала его с полуулыбкой,

откинувшись на спинку. Он встал, бросил салфетку на стол, показывая, что ужин окончен, и увел её в номер.

До рассвета я глядела в балдахин над кроватью, мучаясь от бессонницы. В глубине ребер тяжело ворочалась и маялась от зависти моя душа: если бы меня, политика и писателя, отсчитали, что я слишком много курю, – я была бы счастливейшей из женщин.

В шесть утра следующего дня я спустилась к бассейну. Купол неба был бледен от не взошедшего ещё солнца, размётанные акриловые облака вызолотились изнутри персиковым светом, нежная прозрачность легла на отель и сад. Она плавала в бассейне кругами, он стоял в баре недалеко от моего стула и не сводил с неё глаз. Наконец она подплыла к бортику, он взял приготовленный малиновый сок, обернул её халатом и повел на лежак. Она пила и задумчиво смотрела на воду, он рядом читал газету, изредка бросая на неё быстрый взгляд – все ли хорошо? она ни в чем не нуждается? У меня навернулись слезы: идеальная пара Адама и Евы в своем собственном, закрытом для всех раю.

Я не заметила, как ко мне подошёл менеджер отеля и зашептал:

– Она сняла его за десять тысяч евро, мадам. Максимилиан освобождается через три дня. Желаете приобрести его услуги?